

«... СЧИТАТЬ ЯРКИМИ ЗНАМЕНИЯМИ ВРЕМЕНИ»
(ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ САМОДЕРЖАВИЯ В ЛЕГАЛЬНОЙ РУССКОЙ ПЕЧАТИ НАЧАЛА XX ВЕКА)

Д. А. Дробышевский

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 21 ноября 2014 г.

Аннотация: рассматриваются обстоятельства появления в легальной печати России 1900–1901 гг. трех публикаций, которые А. С. Суворин назвал «яркими знаменами времени» («Двух характерных писем» в богословско-философском журнале «Вера и Разум», доклада М. А. Стаховича на Орловском миссионерском съезде в газете «Орловский вестник» и фельетона А. В. Амфитеатрова «Господа Обмановы» в либеральной газете «Россия»). Анализируется их содержания. Говорится об их роли в десакрализации самодержавия, лично Николая II и царской семьи.

Ключевые слова: Амвросий, А. В. Амфитеатров, газета «Россия», десакрализация, журнал «Вера и разум», легальная печать, Николай II, М. А. Стахович, А. С. Суворин, фельетон «Господа Обмановы».

Annotation: the article is devoted to the circumstances of the emergence of three texts in Russian legal press in 1900-1901 – Two characteristic letters (Faith and Reason), M. A. Stakhovich's report to missionary congress, A. V. Amfiteatrov's feuilleton «Gospoda Obmanovy». The author speaks of their role in desacralisation of the tsarist regime and Nicholas II of Russia.

Key words: Amvrosiy, A. V. Amfiteatrov, newspaper «Rossiya», desacralisation, legal press, Nicholas II of Russia, M. A. Stakhovich, A. S. Suvorin, feuilleton «Gospoda Obmanovy».

В конце января 1902 года издатель газеты «Новое Время» А. С. Суворин записал в своем дневнике: «Меньше чем в полгода явилось три литературных статьи, которые надо считать яркими знаменами времени. Статья в «Вере и Разуме», в апрельской книжке, напечатанная не по разуму архиепископом Амвросием и перепечатанная «СПБ. Ведомостями», и другие (я не перепечатал), где было высказано много резкой правды с юмором, речь М. А. Стаховича в «Орловском Вестнике», перепечатанная тоже «СПБ. Ведомостями» с похвалами, и фельетон Амфитеатрова» [1, 333].

Вспомним, в какой обстановке Суворин сделал эту запись. Страной правит Николай II. В свое время общество России встретило нового царя с надеждой на то, что он восстановит линию либеральных реформ Александра II, которые после его убийства были заморожены Александром III. В. А. Маклаков отмечал: «В России было традицией, что перемена политики совпадала со сменой ее Самодержцев <...>. Он (Николай II – Д. Д.) вступил на престол в благоприятных условиях <...>. Возвращение к нормальным условиям жизни не могло показаться доказательством слабости. Было естественно ждать поворота. И его ждали. Жадно ловили малейший намек на него» [2, 131].

Вопреки надеждам либералов, во внутренней политике Николай II продолжил прежний курс. «Что

стало с тем подъемом духа, с теми великими надеждами, с которыми она встретила преобразования Царя-Освободителя? Все это разлетелось в прах» [3, 160], – так писал Б. Н. Чичерин о том, с чем Россия пришла в XX век.

Он же отмечал: «Для всякого мыслящего наблюдателя современной русской жизни очевидно, что главное зло, нас разъедающее, заключается в том безграничном произволе, который царствует всюду, и в той сети лжи, которою сверху донизу опутано русское общество. Корень того и другого лежит в бюрократическом управлении, которое, не встречая сдержки, подавляет все независимые силы и, более и более захватывая власть в свои руки, растлевает всю русскую жизнь», – писал Чичерин в 1900 году [3, 162].

Общество разочаровывалось в самодержавии и все более активно отвечало на его косность.

Массовое рабочее движение с участием социал-демократов началось с «1895–1896 года, со времени знаменитых петербургских стачек» [4, 96].

С конца 1890-х годов российское студенчество находилось в перманентном противостоянии с официальной властью, шли всероссийские студенческие забастовки.

В 1899 году был сформирован кружок «Беседа», который стал попыткой организации русских либералов. В 1902 году в эмиграции П. Б. Струве создал журнал «Освобождение», а в 1904 году сформировалась нелегальная политическая организация либе-

рального направления «Союз Освобождения». Русский либерализм радикализировался и становился все более популярным в обществе.

Росла популярность либеральной печати. Дорошевич вспоминал, как его знакомый яркий сторонник крепостного права выпускал либеральную газету и оправдывался: «Так что же, черт возьми, нам делать, когда газета нужна теперь либеральная?» [5, 173]. Даже в среде верных самодержавию монархистов противоречиво оценивали самодержца. А. В. Богданович, жена генерала от инфантерии, члена совета министра внутренних дел, автора сусальных верноподданнических открыток для простого народа Е. В. Богдановича, хозяйка влиятельного консервативного салона, записала в своем дневнике 3 апреля 1899 года: «Общее мнение о царе, что у него нет своего мнения: всякий, кто последний с ним говорил, тот и прав в его глазах» [6, 244].

В конце концов на фоне катастрофических итогов войны с Японией сложившаяся ситуация привела к революции 1905 года, но уже до нее общество чувствовало, что грядут перемены. Суворин весной 1901 года писал: «Новое время настает, и оно себя покажет. Оно уже себя показывает тем, что правительство совершенно спуталось и не знает, что начать. «Не то ложиться спать, не то вставать». Но долго ли протянется эта безурядица? Хоть умереть с этим убеждением, что произвол подточен и совсем не надо бури, чтоб он повалился. Обыкновенный ветер его повалит» [1, 316].

В такой обстановке в русской легальной печати появились три публикации, бьющие по основам самодержавия: письмо в журнале «Вера и Разум», подписанное «Почтенным гражданином из бывших духовных Иеронимом Преображенским» [7]; напечатанный в «Орловском Вестнике» доклад М. А. Стаховича на Орловском миссионерском съезде [8]; фельетон А. В. Амфитеатрова «Господа Обмановы» в газете «Россия» [9]. Из этих текстов последний сейчас вспоминается чаще всего. Сложно найти учебник по истории отечественной журналистики, в котором он не был бы упомянут. Появляются и современные исследования фельетона [10, 371–381], [11], [12].

В конце 1900 – начале 1901 года в Харькове в епархиальном богословско-философском журнале «Вера и Разум» были опубликованы три речи Амвросия (в миру – А. И. Ключарёва) – архиепископа Харьковского и Ахтырского, известного в то время публициста и проповедника консервативного толка. Основными темами устных и печатных выступлений Амвросия были: духовно-нравственные последствия российских реформ, критика свободы совести и новых философских и общественных течений, убежденность в том, что светская наука утратила связь с христианскими ценностями.

Об этих речах сам Амвросий писал: «первая – «о причинах чрезвычайного распространения пороков и преступлений в современном христианском мире» [13], – вторая – «о деятелях на жатве Божией» [14] и третья – «о необходимости практической борьбы христиан с современными заблуждениями и пороками» [15]. Вторая из этих речей, по милости Божией, имела успех необыкновенный» [16].

До появления в «Вере и Разуме» она 21 марта 1901 года была опубликована в Харьковской газете «Южный край», издана отдельной брошюрой в Типографии Харьковского Губернского правления, перепечатана в «Церковных ведомостях», полностью или в отрывках напечатана ведущими газетами России.

В своей речи архиепископ заявлял, что жатва Божия (т. е. народ) в России созрела и готова принять наставления в высшем учении веры. Положительную оценку он давал деятелям на жатве Божией, т. е. духовенству, но отмечал, что его мало на 60 миллионов православных. Он говорил об упадке веры в современном обществе и о распространении в народе пьянства, грабежей, раскольнических сект. Также отмечал наличие образованных людей, которые называют себя христианами, но являются опасными врагами церкви – речь шла о либералах, социалистах, прогрессистах и т. д., а на первое место среди них автор ставил Толстого. Сила для борьбы с врагами веры – самодержавная власть.

В «Вере и Разуме» началась дискуссия вокруг этой и других речей Амвросия. В апреле 1901 года в журнале появились «Два характерных письма, присланных Преосвященному Амвросию, Архиепископу Харьковскому: одно от доброго христианина, а другое от ученого либерала» [7].

Первое письмо, подписанное купеческим сыном В. В. Митрофановым, содержало благодарности Амвросию за его речь и разделяло позицию епископа. Внимание Суворина привлекло второе письмо, подписанное почетным гражданином из бывших духовных Иеронимом Преображенским.

Жесткое, наполненное сарказмом письмо началось с воспоминания о другой речи Амвросия, прочитанной несколько лет назад, где тот заявил, что истинная вера еще держится «там, куда еще не проник «разрушительный луч науки» [7, 457]. Автор задался вопросом, значит ли это, что «по Вашему учению, истинные христиане только те, которые веруют, что земля на трех китах стоит, т. е. самый простой народ» [7, 457–458]?

Затем автор обращается к речи Амвросия о деятелях на жатве божией и приводит его слова: «в простом народе усиливается пьянство... появляются целые шайки разбойников и грабителей, врывающиеся в дома мирных граждан» [7, 458]. Сопоставляя речи, автор указывает, что по Амвросию, «истинные христиане – пьяницы, разбойники и грабители» [7,

458], и приводит пример того, как настоящие грабители и убийцы соблюдали обрядовость православия.

Автор заявляет: «Так у духовенства всегда и во всем подтасовки и искажение фактов» [7, 458], после чего разворачивает основные идеи своего выступления:

– высшие классы и передовые сословия начинают истинно верить и понимать учение Христа в том смысле, как того ему желалось, а не как желает духовенство;

– во всех случаях уклонения от исполнения церковных обязанностей в России виновато само духовенство;

– отлучение Толстого от церкви только привело к тому, что его читает вся Россия и рассуждает не в пользу духовенства;

– простой народ также все менее доверяет духовенству;

– все больше людей сознают, что не в монастырях спасение, а в разуме и просвещении;

– церковь в России подчинена власти и поддерживает ее даже тогда, когда это противоречит интересам народа;

– церковь будет так же славословить конституционного монарха, как славит сейчас самодержца, если в России сменится строй. Сила не в самодержавии, а в монархе, «Да если бы и ныне царствующий Самодержец Николай II соизволил выразить свое благословление достопочтенному Льву Николаевичу – куда бы вы попрятались со своими кознями, страхами и угрозами?» [7, 461];

– «<...> в то время, когда передовые люди страны в земстве и обществе подают петиции об отмене остатков телесных наказаний, церковь молчит» [7, 461];

– молитвы духовенства за царя – набор тарбарщины, и в целом, молитвы в православной церкви – «одно из самых слабых мест» [7, 461];

– но в будущее автор смотрит с оптимизмом, потому что, благодаря толчку, данному Александром II, Россия развивается и идет вперед, и церковь очистится от лжи и неправды.

Суворин писал об этом тексте: «Такого резкого и правдивого письма не являлось в русской печати никогда <...>. Оно духовенство прямо клеймит позором, да также и самодержавие, и в особенности молитвы о царе <...>» [1, 310].

«Два характерных письма» вызвали серьезный резонанс и были перепечатаны ведущими газетами России: «Санкт-Петербургскими Ведомостями», «Русскими Ведомостями», «Новым Временем», «Россией», «Неделей», «Новостями» [16, 751].

«Санкт-Петербургские Ведомости», к примеру, предваряя публикацию в своем издании текста писем, отмечали: «Вот эти крайне удивительные письма» и «Помещение второго из этих писем представляет, само по себе, характерный факт» [17], имея в виду необычность подобной публикации для ле-

гальной русской журналистики того времени.

По мнению Суворина, Амвросий печатал текст с умыслом, хотел «подставить» интеллигенцию и высшие классы, продемонстрировав, как они «говорят о духовенстве, о правительстве и государе» [1, 333].

Сам Амвросий в напечатанном позднее в «Вере и Разуме» объяснении говорил, что опубликовал это «самое грубое порицание православной веры», чтобы православные своими глазами увидели, «что за совесть у людей, взявших на себя дело просвещения всего человечества» [16].

Впрочем, хотя Амвросий и всецело поддерживал союз официального православия и самодержавия, Николай II и подчиненный ему Святейший Синод не оценили его публичные выступления и публикации. Суворин намекает, что Амвросий был недоволен тем, что не получил высшего церковного сана митрополита [1, 310], а Богданович, в салоне которой Амвросий бывал, записала в своем дневнике: «Харьковскому архиерею Амвросию был объявлен высочайший выговор за его статьи и речи» [6, 267].

Остается сожалеть, что продолжения этих событий не последовало. В начале сентября 1901 года Амвросий, которому было 80 лет, скончался.

25 сентября 1901 года газета «Орловский Вестник» напечатала доклад М. А. Стаховича о свободе совести на Орловском миссионерском съезде [8].

Стаховичи были влиятельным на Орловщине старинным дворянским родом. Автор доклада – камергер императорского двора, предводитель орловского губернского дворянства, земский деятель, славянофил-либерал, политик, публицист. Позднее он играл заметную роль в либеральном крыле I и II Государственных дум, был крупным чиновником Временного правительства.

Близким другом семьи Стаховичей являлся Л. Н. Толстой, который критиковал официальную православную церковь и помогал преследуемым конфессиям (например, известный факт помощи Толстого духоборам). 20 февраля 1901 года Святейший Синод отлучил Толстого от православной церкви за его позицию и деятельность. Скорее всего, недавняя обида, нанесенная другу семьи и великому писателю, не могла не повлиять на настроения М. А. Стаховича. И когда у него появилась возможность высказаться перед представителями церкви, «светский, посторонний съезду человек» поднял вопрос о свободе вероисповедания перед синклитом пастырей почти в тот момент, когда они уже собирались расходиться» [18, 104].

В своем выступлении Стахович отметил, что «был поражен тем, как Вы много знаете <...> как трудолюбиво и тщательно строите Вы свое огромное здание <...>» [8], после чего задал съезду жесткий вопрос: «Не пренебрегли-ли Вы, умелые строители, случайно или невольно краевым угольным камнем?» [8].

Тут же Стахович говорит, что это за краеугольный камень – «вековое слово: свобода совести» [8]. Именно она является для него фундаментом веры, именно ей посвящен его доклад.

Для России того времени, когда вопросы веры решали в официальных органах – Священном Синоде и Министерстве внутренних дел – проблемы свободы совести стояли остро. Только в Холмско-Варшавском епархиальном управлении в конце XIX века было не менее 83 тысяч (а скорее – более 120 тысяч) униатов, которые в силу юридических препон не могли официально исповедовать свою веру [18, 102]. В те времена в империи такие случаи не были редкостью.

После того, как Стахович произнес центральные слова доклада – «свобода совести», он перешел к подробному изложению и обоснованию своей позиции, используя, в том числе, цитаты из Ф. Гизо и И. С. Аксакова, ссылки на А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, Ю. Ф. Самарина, В. С. Соловьева. Можно выделить несколько основных положений его доклада:

- свобода совести в данном случае – право безнаказанного исповедания своей веры;
- где нет свободы, там нет Духа Господня. Где нет свободы для слова, мнения, сомнения, исповедания, там нет места и для веры;
- в современном Стаховичу мире свобода совести зачастую оборачивается нападками в адрес христианской религии, сомнениями. Это испытание для христианской религии, которое она преодолет;
- но только в свободе суждения, воспользовавшись с полнотой этой свободой, христиане «могут обрести нужную им силу, чтобы возвыситься над опасностями и сделать тщетными нападения своих ярых противников» [8];
- требование свободы совести опирается на слово Божие; таким образом, «требование свободы совести – есть требование свободы для самой церкви» [8];
- церковь не может поддерживать государство в вопросах ограничения свободы вероисповедания, не может запретить заблуждаться или терять веру;
- запретной может быть не вера, а дела, не чувства, а поступки, т.е. то, что карает закон во всех странах, не соотносясь с церковью;
- орудия церкви могут быть только духовными, прибегая к насилию, церковь становится государственным учреждением;
- гражданский закон вместо охранения церкви растлевает ее;
- именно миссионерам надлежит указать на отсутствие свободы слова в стране-носителнице православия.

Современные исследователи А. А. Кара-Мурза и О. А. Жукова также выделили в докладе Стаховича «мотив – долг христианина-мирянина свидетельствовать об Истине» [19, 33], отметив слова Стаховича: «самый последний и ничтожный из нас не

только принадлежит к церкви, но тоже составляет церковь <...> не именем духовного начальства, не от имени духовенства, а во имя церкви надо высказать, что насилие над совестью бессовестно» [8].

Как вспоминал князь Волконский, «речь прокатилась из конца в конец земли русской; она произвела впечатление бомбы; о ней говорили и в иноземной печати» [18, 94].

Многое в докладе будоражило общественность: острота темы, то, что высказана она была именно на съезде миссионерских деятелей, то, что автором ее был дворянин, губернский предводитель, который прямо предложил миссионерам официально выступить за свободу совести. Усиливало пикантность момента недавнее отлучение Толстого от церкви.

Доклад многократно перепечатывался периодическими изданиями, в двухмесячной полемике в печати, которая была прекращена только цензурными распоряжениями [18, 96], приняли участие и консерваторы, и либералы, и социалисты, отметились Л. Н. Толстой, Д. С. Мережковский, Н. Ф. Федоров, Н. А. Бердяев, Иоанн Кронштадтский, С. А. Нилус, В. В. Розанов, М. Горький, В. И. Ленин и многие другие.

Особо стоит отметить в этой полемике позицию духовенства. За редкими исключениями духовенство, в том числе знаменитый Иоанн Кронштадтский, критиковало Стаховича и выступало против его позиции. Так, Кронштадтский писал: «В наше лукавое время появились хулители святой церкви, как граф Толстой, а в недавнее время некто Стахович, которые дерзнули явно поносить учение нашей святой веры и нашей церкви, требуя свободного перехода из нашей веры и церкви в какие угодно веры... Что же это? Отречение от Христианства, возвращение к язычеству, к одичанию, к совершенному растлению нашей природы? Вот куда ведут наши самозванные проповедники... Нет, невозможно предоставить человека собственной свободе совести, потому что он существо падшее и растленное...» [19, 39].

Ход полемики подробно освещен в «Моих воспоминаниях» князя С. М. Волконского [18, 92–117].

Князь Волконский отмечал по её следам: «Среди всего этого психология православного духовенства мне представляется в некотором роде трагической. Ему во всеуслышанье, всенародно предъявляются факты насилия, совершаемые во имя той веры, коей оно есть провозвестник <...> и оно, духовенство, не может осудить тот принцип, в силу которого насилия творятся» [18, 104].

Между речью Стаховича и письмом в «Вере и Разуме» легко провести параллели. Общество рубежа веков разочаровывалось уже не столько в конкретных шагах и политике самодержавия, сколько в его этическом и духовном содержании. И два этих текста наносили удар по мощнейшему духовному фундаменту самодержавия и источнику его сакрализации – официальной православной вере.

Фельетон А. В. Амфитеатрова «Господа Обмановы» [9], опубликованный в либеральной газете «Россия» 13 января 1902 года, не наносил удара по православию, но десакрализировал личность самого царя и царскую семью.

В нем рассказывается история семьи Обмановых, за которыми легко угадываются члены императорского дома Романовых, в частности, цари Николай I (Никандр Памфилович Обманов), Александр II (Алексей Никандрович Обманов), Александр III (Алексей Алексеевич Обманов), Николай II (Ника-милуша), его мать вдовствующая императрица Мария Федоровна (бывшая гувернантка Марина Филипповна), царское окружение, например, близкий к Николаю II дипломат, публицист, издатель газеты «Санкт-Петербургские ведомости» князь Эспер Эсперович Ухтомский («мужичок» с железнодорожной станции), а также балерина Мариинского театра Матильда Феликсовна Кшесинская (mademoiselle Жюли), у которой был роман с действующим императором.

Номер газеты с фельетоном «Господа Обмановы» пользовался огромной популярностью в обеих столицах. Цена на него завывшалась предприимчивыми продавцами в десятки раз. В обществе был большой резонанс. О фельетоне мгновенно узнали царь и правительство. Автор текста был выслан в Минусинск, издателя-редактора «России» Г. П. Сазонова выслали в Псков [12].

Особенность этого фельетона состояла в том, что, представив жизнь царской династии, как жизнь обыкновенной провинциальной дворянской семьи, со всей пошлостью ее быта, автор десакрализировал самодержавие и опускал его с высот вековой власти и почитания даже не до уровня читателя, а еще ниже, лишал его божественного ореола.

Эффект усиливало то, что пошлые подробности жизни Обмановых выводились из вполне реальных событий в жизни Романовых или распространенных слухов, в частности, про интимную жизнь русских царей: «Уезд и по сей час еще вспоминает, как во времена оны налетел в Большие Головотяпы дедушка Алексея Алексеевича, Никандр Памфилович <...>. Первым делом этого достойного деятеля было так основательно усовершенствовать человеческую породу в своих тогда еще крепостных владениях, что и до сих пор еще в Обмановке не редкость встретить бравых пучеглазых стариков с усами как лес дремучий, и насмешливая кличка народная всех их зовет «майорами»» [9].

Публикация фельетон нанесла серьезный удар по репутации Николая II и Романовых в целом. Охранное отделение в своей записке отмечало: «При более или менее отрицательной оценке поступка Амфитеатрова с точки зрения литературной нравственности, либеральная часть общества тем не менее довольна его выходкой, как явлением, подрывающим, по их мнению, нравственное обаяние

царствующего дома в широком кругу читателей» [10, 372].

В «широком кругу читателей» издевательства над самодержцем и его семьей падали на благодатную почву. За несколько лет до первой русской революции общество все сильнее ощущало кризис режима и не могло не связывать его, в том числе, с личностью Николая II и содержанием самодержавной власти. Характерна следующая запись Суворина в дневнике: «Извозчики говорят, что Амфитеатрова за то выслали, что насмеялся над государем.

– За что насмеялся?

– А за то, что государь хотел вернуть крепостное право.

Вот как начинают объяснять!» [1, 340].

Уже само название фельетона стало нарицательным, так же как и некоторые псевдонимы из него. П. П. Перцов писал В. Я. Брюсову в 1902 году: «А говоря платонически: был ли когда-либо у русского самодержавия враг опаснее «Ники-милуши»?» [20].

Таковыми были «яркие знамена времени» в легальной русской печати начала XX века. Не просто оппозиционные тексты, критикующие порядки самодержавной России, а публикации, бьющие по трансцендентальному ядру самодержавия, ее святому ореолу, духовному фундаменту, тому, на чем в России сотни лет стояла эта власть.

Круг подобных публикаций не ограничивается только рассмотренными примерами. В их ряд можно поставить и письмо графини С. А. Толстой Митрополиту Антонию [21], публикации в легальной печати социал-демократов, о которой В. И. Вернадский писал: «Некоторые их издания (например, легальных марксистов – Д. Д.) <...> превосходны и являются совсем отличными от старых изданий беспочвенных агитаторов старого времени» [22], и другие печатные выступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суворин А. С. Дневник / А. С. Суворин. – М. : Изд-во «Новости», 1992. – 496 с. – (Серия «Голоса истории»).
2. Маклаков В. А. Власть и общественность на закате старой России / В. А. Маклаков // Приложение к «Иллюстрированной России». – Париж, 1936. – Т. 1. – 246 с.
3. Чичерин Б. Н. Россия накануне двадцатого столетия / Б. Н. Чичерин. – Берлин : Издание Гуго Штейниц, 1900. – 180 с.
4. Ленин В. И. Из прошлого рабочей печати в России / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. : В 55 т. – 5-е изд. – М. : Издательство политической литературы, 1980. – Т. 25. – С. 93–101.
5. Дорошевич В. М. Крепостное право в XX столетии / В. М. Дорошевич // Воспоминания / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. С. В. Букчина. – М. : Новое литературное обозрение, 2008. – С. 167–190. – (Россия в мемуарах).
6. Богданович А. В. Три последних самодержца / А. В. Богданович. – М. : Изд-во «Новости», 1990. – 608 с.

7. Два характерных письма, присланных Преосвященному Амвросию, Архиепископу Харьковскому : одно от доброго христианина, а другое от ученого либерала // Вера и разум : Журнал богословско-философский. – 1901. – № 8. – апр. – Книжка вторая. – С. 455–462.

8. Доклад М. А. Стаховича, читанный на Орловском миссионерском съезде // Орловский Вестник. – 1901. – 25 сент.

9. Old gentlemen [А.В. Амфитеатров] Господа Обмановы // Россия. – 1902. – 13 янв.

10. Букчин Семен. Влас Дорошевич. Судьба фельетониста / Семен Букчин. – М. : Аграф, 2010. – 704 с. – («Символы времени»).

11. Зверев В. В. А. В. Амфитеатров, Г. П. Сазонов и газета «Россия» : Январь 1902 / В. В. Зверев // Исторический архив. – 2010. – № 4. – С. 127–154.

12. Дробышевский Д. А. «Это хуже выстрела!» (фельетон А. В. Амфитеатрова «Господа Обмановы» в газете «Россия») / Д. А. Дробышевский // Вестник ВГУ. Серия : Филология. Журналистика. – 2014. – № 1. – С. 147–155.

13. Речь Преосвященного Амвросия, Архиепископа Харьковского, о причинах чрезвычайного распространения пороков и преступлений в современном христианском мире. Произнесена в актовом зале Харьковской Духовной Семинарии 19 ноября 1900 года // Вера и разум : Журнал богословско-философский. – 1900. – № 22. – нояб. – Книжка вторая. – С. 601–650.

14. Речь Преосвященного Амвросия, Архиепископа Харьковского, о деятелях на жатве божией. Произнесена в актовом зале Харьковской Духовной Семинарии 18 марта 1901 года // Вера и разум : Журнал богословско-философский. – 1901. – № 6. – март. – Книжка вторая. – С. 313–350.

15. Речь Преосвященного Амвросия, Архиепископа Харьковского, О практической борьбе христиан с современными заблуждениями и пороками. Произнесена в актовом зале Харьковской Духовной Семинарии 13 мая 1901 года в присутствии воспитанников семинарии и городского духовенства // Вера и разум : Журнал богословско-философский. – 1901. – № 10. – май. – Книжка вторая. – С. 599–639.

16. Объяснение Преосвященного Амвросия, Архиепископа Харьковского, по поводу напечатанных «двух характерных писем» // Вера и разум: Журнал богословско-философский. – 1901. – № 11. – июнь. – Книжка первая. – С. 751–760.

17. [Без названия] // Санкт-Петербургские Ведомости. – 1901. – 5 мая.

18. Волконский Сергей, Князь. Родина / Князь Сергей Волконский // Мои воспоминания : в 2-х т. – М. : Искусство, 1992. – Т. 2. – 383 с. – («Театральные мемуары»).

19. Жукова О. А. В борьбе за свободу совести (о дискуссии вокруг речи М. А. Стаховича на «Миссионерском съезде» в Орле 1901 г.) / О. А. Жукова, А. А. Кара-Мурза // Орловский мудрец, опередивший время : Сборник научных статей. – Орел : ИД Орлик, 2011. – С. 27–45.

20. «Впереди – еще много порубленных саблями...» [Электронный ресурс] // Независимая газета [Официальный сайт]. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ever/2001-04-29/10_sight.html (дата обращения: 07.10.2013).

21. Письмо графини С. А. Толстой к митрополиту Антонию // Прибавление к № 12 неофициальной части «Церковных ведомостей», издаваемых при Святейшем Синоде. 24 марта 1901 года. – СПб. : Синодальная Типография, 1901. – С. 1–2.

22. Страницы автобиографии В. И. Вернадского. – М. : Наука, 1981. – 350 с.

*Воронежский государственный университет
Дробышевский Д. А., аспирант кафедры истории журналистики и литературы факультета журналистики*

*Voronezh State University
Drobyshevsky D. A., Post-graduate Student of the History of Journalism and Literature Department*